

М. Ю. Лермонтов

**М.Ю. Лермонтов
Стихотворения. Поэмы.
Маскарад. Герой нашего
времени**

Поэзия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Л49

Л49 **Лермонтов М.Ю.**
М.Ю. Лермонтов Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени: Поэзия / М. Ю. Лермонтов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 782 с.

ISBN 978-5-458-24426-8

В настоящий том включены стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова, драма в стихах «Маскарад» и роман «Герой нашего времени». Юношеские сочинения (1828–1835 годов) представлены здесь не полностью. Тексты произведений М. Ю. Лермонтова печатаются по изданию: М. Ю. Л е р м о н т о в , Собрание сочинений в четырех томах, «Художественная литература», М. 1964–1965.

ISBN 978-5-458-24426-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОДВИГ

1

Никогда не забудется тот мрачный январский день 1837 года, когда навеки закрылись глаза Пушкина. Но насколько стал бы он для нас еще чернее и горше, этот ужасный день, если бы Россия не узнала тогда стихов Лермонтова. Пушкин погиб, но не умолк голос великой поэзии. Новый, никому не известный поэт посмел сказать правду, о которой молчали даже пушкинские друзья: врагов поэта он называл палачами, сказал, что они таятся под защитою царского трона, что их ждет в грядущем возмездие, ждет суд народа. Сколько свершалось до того смелых гражданских подвигов, сколько свершилось с тех пор, но Лермонтов навсегда останется одной из самых героических фигур в истории русской литературы и в истории русского общества.

Все удивительно в этой внезапной славе молодого поэта. И вызов, который он бросил придворному обществу. И голос общественного протеста, прозвучавший в этих стихах. И сочетание двух великих имен. И двух огромных событий — гибели Пушкина и выступления Лермонтова. Все это воспринимается, как легенда, настолько легендарными кажутся и величие подвига, и одновременность случившегося. Вот прозвучало слово правды о Пушкине. И новый поэт уже обречен. И ему уготована такая же судьба и точно такая же гибель — на поединке. Вряд ли можно назвать в мировой литературе сочетание двух таких колоссальных трагедий. И таких блестательных эстафет, являющих великие силы народа, способного послать одного гения на смену другому — не фигулярно, не образно, а подобно тому, как в сражении один заменяет другого, подхватывая упадающее из рук убитого знамя.

Только четыре года жил Лермонтов с того дня. Но эти четыре года составили этап в истории русской литературы, ограниченный датами 1837—1841. За эти годы в сознание читателя вошел целый мир поэтических представлений и образов, который способно обнять одно только имя — Лермонтов.

За эти четыре года Лермонтов создал эпическую поэму — «Песнь про царя Ивана Васильевича...», которую справедливо ставят рядом с величайшими творениями народной поэзии, и критика еще в прошлом столетии отметила сродство ее с гомеровским эпосом. Вслед за тем Лермонтов сочинил последнюю — грузинскую — редакцию «Демона», создал «Мцыри» — поэмы, принадлежащие к вершинам романтического искусства. Написал ироническую по отношению к себе и к романтическому направлению в поэзии вещь, названную «Сказкою для детей». Выпустил роман «Герой нашего времени» — удивительный по смелости изображения жизни, по психологической глубине, пластичности образов, совершенству литературного слога, — означавший важнейший этап в движении русской прозы по пути к реализму. Напечатал сборник стихов — двадцать шесть гениальных творений, каждое из которых раскрывает новую грань его дарования. Внес в свои записные альбомы новые вдохновенья, которых хватило бы на вторую книгу стихов... Все за четыре года!

В этот период происходит сближение с Белинским, Лермонтов деятельно участвует в журнале «Отечественные записки». Если при этом подумать, что у него совсем не было времени для спокойной работы и почти все, что написано, сочинялось в почтовых кибитках, па постоянных дворах, в полку на дежурстве, в тюремной камере, в перерывах между боями, — подвиг Лермонтова предстает в несказанном величии. Еще более удивительной кажется его творческая сосредоточенность и великкая преданность своему призванию, верность раз навсегда избранному пути. Какой же надо было обладать силой духа, какой фанатической страстью к творчеству, как много мог и должен был сказать этот человек миру, если не раз заставлял задумываться таких людей, как Белинский, не шагнул ли бы он еще дальше Пушкина, если бы пуля Мартынова не остановила его пути? До сих пор с восторгом и горестью закрывает томик Лермонтова пораженный читатель, не в силах постигнуть, как мог человек еще юный, еще не достигший полных лет зрелости, страдающий и гонимый, сказать так много, разнообразно и так современно, с такой философской мудростью и такой неустранимой гражданской страстью!

В продолжение долгих десятилетий читателю давали неверный адрес, не в ту сторону направляли воображение, пытались объяснить

великое чудо поэзии — Лермонтова — усердным подражанием великим и невеликим писателям. Утверждали, что он прожил «однообразную и огражденную со всех сторон жизнь». Это писали о Лермонтове, чья жизнь полна самых драматических эпизодов и который знал и так понимал жизнь, как знали и понимали из его современников очень немногие. Он шел в своем творчестве не от литературы, но от жизни, и от жизни идей. А литературу блестательно знал, помня наизусть тысячи строк и читая по-русски, по-французски, по-немецки, по-английски и по-латыни.

С юных лет он готовился к подвигу — учился у декабристов, которые, как говорит Огарев, шли на гибель, зная, что их слово не умрет, потому что они вслух погибнут. И Лермонтов в ранние годы, подобно Наливайке Рылеева, подобно самим декабристам, мечтает в стихах погибнуть за «дело общее», как звучал в их устах латинский термин «республика». В пятнадцать — шестнадцать лет он пишет, что его ждут изгнанье и плаха. Борьба за вольность и за отчизну, за право свободно мыслить, жить и творить составляет пафос поэзии Лермонтова с первых лет его стихотворчества.

Он выступил как верный друг и защитник Пушкина, как его ученик и продолжатель его гражданского и литературного дела. Именно потому, что замолк голос Пушкина, он заговорил вслух, принял завет и пошел по пушкинскому пути. Однако в отличие от Пушкина, которого в юности окрыляли мечты о скорой свободе, Лермонтов начинал свой путь, когда мечты эти были уже развеяны, а мечты его поколения, по слову Герцена, всегда кончались Сибирью или казнью и никогда — торжеством.

В этих новых условиях надобно было сказать всю правду о времени. И сказать ее мог только тот, кто обладал характером политического деятеля. И если бы современники не сохранили воспоминаний о том, что у Лермонтова был «железный характер», предназначенный «на борьбу и владычество», — мы догадались бы сами, зная политические условия, в которых ему приходилось писать, и зная написанное. В своей «Думе» он сказал правду о сверстниках, подавленных крушением надежд 1825 года, отказавшихся от дальнейшей борьбы. Он сказал правду о своем современнике в романе «Герой нашего времени». Изобразив в лице Печорина «пороки.. поколения», он дал понять, что они порождены общественной средой. Но, написав роман в защиту героя, он показал и то, как разрушителен эгоизм и сколь, даже при глубоком и остром уме, несостоятельны и ошибочны субъективные печенские оценки людей и явлений. И создание такого романа было подвигом еще более трудным, ибо даже и те, ради которых он говорил эту правду, обвиняли его в клевете на современное общество.

В этом романе он выступил решителем важных вопросов жизни. Тут окончательно стало ясно, что пафос творчества Лермонтова, как пишет Белинский, составляет мысль о судьбе и правах человеческой личности. Строку из лермонтовского «Демона» — «с небом гордая вражда» — современники расшифровывали как «отрицание духа и мировоззрения, выработанного средними веками или... другими словами — пребывающего общественного устройства». Лучшие люди лермонтовского поколения восприняли революционную сущность его поэзии. И увидели в ней выражение собственных устремлений и чувств. Понял ее и другой лагерь — противники Лермонтова, обвинившие его в клевете на современное общество, а затем сочинившие версию, якобы творчество Лермонтова лишено национальных корней.

3

Десять лет Лермонтов писал для себя и для малого круга лиц, ему преданных. Но как велико отличие этих юношеских откровений, среди которых есть и пламенное послание «К*» («Я не унижусь пред тобою...»), и удивительная «Русалка», и гениальный «Парус», от тех вещей, которые он создавал в ту пору, когда голос его слышала вся Россия. И это было результатом не только быстрого созревания таланта, но и ответственности, которая легла на него после гибели Пушкина,— перед читателем, перед страной, перед историей,— ответственности, которая подавляет себялюбивых и слабых, но способствует могучему возрастианию талантов сильных и убежденных в праве своем учить и вести вперед. Многое у Лермонтова зависело также и от того, что раздвинулся тесный жизненный круг и снова увидел он то, что еще в детстве так поразило его,— свободный сражающийся Кавказ, героический мир, рождавший могучие характеры и трагические конфликты, где жизнь предстала перед ним уже во всем своем социальном и национальном разнообразии: степные русские помещики и лихие чеченские наездники, терские казаки и аристократы-гвардейцы, мирные горцы и великосветская знать, контрабандисты и участники декабристского восстания... Новый круг людей простых, с которыми все чаще сводила его судьба во время странствований по Кавказу, все более определял темы и стиль его новых произведений. Его «Завещание» — потрясающий по простоте и точности монолог русского офицера-кавказца, свободный от поэтических украшений; глухой голос умирающего, кажется, только сейчас был живым разговором и словно у нас на глазах отлился в стихии... «Валерик» поражает непринужденностью тона, с какой пишется это послание — рассказ о ненужной людям войне, о страданиях и о красоте человеческих чувств и пропасти, разделяющей очевидца сражения от

8

петербургской гостиной, где это послание прочтут с улыбкой любезной и снисходительной. А «Родина»!

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Вдумаемся в эти слова: «колыханье» лесов. Да еще «безбрежных» — слово, более подходящее к рекам. А в соседней строке тоже безбрежные, уподобленные морям речные разливы. Но в этой строке, где оно, казалось, напрашивалось, слово «безбрежное» не сказано. И рядом — «холодные» степи. И вот возникает ощущение огромных просторов России, переливающееся из слова «степей» в «безбрежных», в «разливы», в «моря». И ощущение холодной весны возникает. И долгих дорог. Каждое слово здесь необычно и сильно, но одно из них сдвинуто и тем самым обновлен целый ряд, обретающий новую точность.

Все органичнее входят в поэзию Лермонтова именно в эти годы образы народной поэзии, все большую простоту обретает поэзия собственная. И не удивительно, что многие из его стихотворений ушли в народ и распеваются до сих пор как безымянные народные песни. Но все это не исключало для него самого, как не исключает для нас, романтического сочетания фантастики и реальности в «Демоне» — поэме, где «бегущая комета», посылающая улыбку изгнанинику рая, и Казбек, уподобленный грани алмаза, увиденный сверху и в отдалении, поставлены в один ранг! Прекрасно и бесконечно поэтическое воображение, способное одновременно обнять явления и аспекты столь разные! И все за четыре года!

К началу 1841 года слава Лермонтова достигла зенита. Книга его стихов раскупалась нарасхват в обеих столицах. Не только в кругу многочисленных своих почитателей, но и на всем Кавказе он имел «славу льва-писателя». Произведения его переводились на иностранные языки, уже являлись в заграничной печати отзывы, в которых говорилось о необыкновенном таланте... «Уже,— писал Белинский потом,— затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые», — рассказывал друзьям план трех новых романов из трех эпох жизни русского общества, связанных между собою единством действия... Но тут время остановилось для него навсегда! Не стало поэта, одного из самых гениальных по дарованию, какие когда-либо рождались на русской земле... Нет. В целом мире!

Всем своим творчеством Лермонтов отрицал официальную деспотическую Россию — то «общественное устройство», при котором ему суждено было жить. Он проклинал власть, убившую Пушкина. Оплачивал умершего декабриста. Презирал современников за раболепство

перед престолом. Без слов понимал узника. Призывал к мщению за поруганную свободу. Отрицают у него «общественное устройство» царской России и простой человек, убивающий молодого опричника, и Мцыри, томящийся в монастырской неволе. И Демон, восставший на бога. И не случайно в романе своем Лермонтов написал, что герой его умер, вернувшись на родину и вдохнув воздух империи.

4

Идут годы, десятилетия. Второе столетие перевалило за половину, а мы ощущаем Лермонтова как поэта живого и глубоко современного. Лиризм и страстная гражданская мысль воплотились в его сочинениях так слитно, что каждое лирическое признание неизбежно наводит нас на глубокие размышления — о смысле бытия, о взаимоотношениях людей, о категориях добра, зла, жизни, смерти, истории, современности, вечности. Не только произведения сюжетные — поэмы, «Маскарад», проза, — но даже и лирические стихотворения его свободны от созерцания и констатации, ибо исполнены глубокой и страстной мысли, высказанной с потрясающей искренностью, силой и смелостью, и пронзают при этом беспредельной магической музыкальностью самого «созвучия слов». И поэтому каждое создание Лермонтова, особенно зрелое, заставляет трепетать наше сердце, будит мысль, зажигает воображение и устремляет его вперед.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭТ

Когда Рафáэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,—
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тишь, и призráк бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1828

К Д.... В У

Я пробегал страны́ России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю,—
И больше им не доверяюсь!..

1829

В Е С Е Л Ы Й Ч А С

*(Стихи в оригинале найдены во Франции
на стенах одной государственной темницы)*

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;